

**«НЕПОТРЕБЕН БЕЗ ГРОМУ»:
О РЕПРЕЗЕНТАТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ ПЕТРА I
В ОБЛАСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СЕМАНТИКИ ИМПЕРАТОРСКОГО ТИТУЛА
(1720-е гг.)***

Соколова Елена Станиславовна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru

На основе широкого круга нормативных правовых актов, источников личного происхождения и иных нарративных материалов первой четверти XVIII в. рассматриваются способы легитимации императорского титула, избранные Петром I с целью институционализации верховной самодержавной власти, формирования ее надсословного имиджа и укрепления международно-правового статуса Российского государства. Предпринята попытка историко-правовой реконструкции основных концептов законодательной политики в области моделирования идеологических постулатов, при помощи которых происходило обоснование законности имперских притязаний Петра Великого, а также моделирования династического мифа об объединении Запада и Востока под властью Романовых как правопреемников римско-византийских императоров. Поставленная проблема исследуется с помощью методик «исторической памяти», берущих начало в историографии французских «Анналов». В поле зрения автора – политико-правовая семантика церемониальных стратегий, разработанных политической элитой Российского государства с целью подъема социально-политического престижа императорской власти и нашедших отражение на нормативно-правовом уровне. Обосновывается, что концептуальные законодательные инициативы начала 1720-х гг. в указанной области обладали мощным репрезентативным потенциалом, создающим возможность транслирования имперской парадигмы верховной власти на широкую аудиторию самого разного социального уровня. Семантика большинства текстовых стратегий, направленных на прославление политико-правовых достижений Петра I, отличалась ярко выраженным эклектизмом, в основе которого находился культурно-исторический синтез религиозно-идеологических кодов православного мира и протестантской Европы. Таким образом, моделируя идеал самодержавной власти, способной взять на себя нравственную ответственность за обеспечение «общего блага», синтезированного из старомосковских представлений о взаимозависимости «государева дела» и «земского интереса», Петр I получил возможность сделать акцент на светской природе российского самодержавия.

Ключевые слова: императорский титул, законодательная инициатива, репрезентативные стратегии, законодательная политика, церемониальный текст

* В названии статьи использован девиз из книги «Символы и эмблемата», переведенной с латинского языка на русский и напечатанной по указу Петра I в 1705 г. для создания аллегорических сюжетов церемониальной практики. Девиз является переводом изречения «*Sine fremitu nihil*» (Simbola et emblemata, Fullu atque auspiciis sacerrimae suae Majestatis Augustissimi ac Serenissimi Imperatoris Moschoviae Magni Domini Czaris, et Magni Ducis Petri Alexeidis, totius Magnae, Parve & Albae Rossiae, nec non aliarum multarum Potestatum Dominiorum Orientalium, Occidentalium Aquilonariumque Supremi Monarchae exula. Amstelaedami. Apud Henricum Wetstenium. 1705. № 50. P. 18).

**«PROFANE WITHOUT THUNDER»:
ON A REPRESENTATIVE CAPACITY
OF THE LEGISLATIVE INITIATIVES OF PETER I
IN THE FIELD OF MODELING POLITICAL
AND LEGAL SEMANTICS OF THE IMPERIAL TITLE
(1720s)**

Sokolova Elena

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru

By using a wide range of normative legal acts, sources of a personal origin and other narrative materials of the first quarter of the 18th century the author considers the ways of legitimation of an imperial title elected by Peter I in order to institutionalize the supreme autocratic power, form its over-class image and strengthen the international legal status of the Russian state. In the article there is an attempt of historical and legal reconstruction of the main concepts of legislative policies in the field of modeling ideological postulates, which helped to justify legality of imperial claims of Peter the Great, as well as modeling a dynastic myth about association of the West and the East under the power of Romanovs as assignees of the Roman-Byzantine emperors. This problem is investigated by using the techniques of «historical memory» rooted in a historiography of the French «Annals». In the author's opinion, political and legal semantics of the ceremonial strategies was developed by political elite of the Russian state for the purpose of rising a socio-political prestige of the imperial power and have found reflection at the standard and legal level. It is argued that the conceptual legislative initiatives in this field, which held in the beginning of the 1720s, possessed a powerful representative capacity giving a possibility to address the imperial paradigm of the supreme power to a wide audience of different ages and social levels. Semantics of the majority of the text strategies directed to glorification of political and legal achievements of Peter I was characterized by an expressive eclecticism at the heart of which there was a cultural and historical synthesis of religious and ideological codes of the Orthodox world and Protestant Europe. Thus, by modeling an ideal of the autocratic power capable to undertake a moral responsibility for ensuring the «general welfare» composed from the old Moscow ideas of interdependence of «monarchic business» and «territorial interest», Peter I was able to emphasize the secular nature of the Russian autocracy.

Key words: imperial title, legislative initiative, representative strategies, legislative policy, ceremonial text

В последнее время реконструкция культурно-исторических кодов прошлого привлекает внимание специалистов, представляющих самые разные отрасли гуманитарного знания. Наряду с исследованием вербальных текстов, нацеленных на реализацию многообразных коммуникативных практик, одним из наиболее востребованных направлений современного научного дискурса является обращение к текстуальным стратегиям «искусства памяти». Свойственный им мемориальный потенциал чаще всего представляет собой результат синтеза различных способов самоидентификации и проявляется на уровне визуального восприятия окружающей действительности как отдельным индивидуумом или социальной группой, так и целым народом, объединенным общей историей и культурой.

Наиболее последовательные методологические новеллы в области выявления репрезентативных возможностей памяти, имеющей субъективную природу, но в то же время представляющей основной инструмент для конструирования совместного

бытия нации и государства, предложили французские историки «младшего поколения» «Анналов» во главе с П. Нора. Концепция «мест памяти», разработанная ими под воздействием платоновской теории «эйдосов» и мнемонических экспериментов Аристотеля, построена на утверждении о символическом значении конкретных топографических мест, служащих в качестве неких «внешних отметин» и определяющих формы социального поведения людей в их «повседневных взаимодействиях»¹.

В современной научной литературе общепринятой является самая широкая интерпретация введенного П. Нора и его учениками понятия. С мнемонических позиций рассматривается не только то или иное историко-географическое пространство, но и, говоря словами П. Рикёра, «символические объекты нашей памяти»². Их изучение на историко-юридическом уровне способствует расширению научного инструментария, необходимого для реконструкции правового мышления людей прошлого, социокультурных аспектов присущего им правосознания и знаковых форм «овеществленного» юридического бытия. Мнемоническая смысловая нагрузка, имеющая гносеологическое значение для историко-правовых штудий, присутствует в мемориальных церемониях, праздниках, архитектурно-природном ландшафте официальных резиденций. Политико-правовая семантика данных объектов в свою очередь постулирует повседневный стиль мышления и поведенческие стратегии, отношение к прошлому и настоящему, государству, власти, гражданским обязанностям, правовым и нравственно-религиозным ценностям, способствуя в конечном счете политической самоидентификации отдельного индивида и коллективной гражданской общности. Применительно к истории Российского государства использование методик исторической памяти помогает выявить способы трансляции идеологических сюжетов, оказавших решающее воздействие на институционализацию самодержавной доктрины и формирование сословного законодательства.

В частности, государственно-правовые преобразования Петра I, взявшего курс на последовательное укрепление самодержавных институтов Российского государства, в том числе по образцу старомосковского идеала, привели не только к усилению мемориального значения церемониальной практики, но и последовательному закреплению некоторых ее элементов на законодательном уровне. Речь в данном случае шла прежде всего о том, чтобы придать максимальную светскость традиционному представлению о сакральной природе царской власти. Новые церемониалы, которые разрабатывались с учетом старомосковских образцов, почерпнутых в свою очередь из византийского придворного обычая, были выдержаны в духе государственного патернализма и в основном соответствовали сложившемуся еще до Смуты образу государя-помазанника, опекающего своих подданных независимо от их социально-юридической принадлежности.

Последовательно вырабатывая нормы сословного законодательства, ориентированные на консервацию «тягловой» природы российских сословий в соответствии с нормами Соборного уложения, Петр I уже в начале своего царствования обратил пристальное внимание на репрезентативную сторону законотворческой деятель-

¹ Нора П. и др. Франция – память. СПб., 1999. С. 17–50.

² Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 563; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 33–90; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 411–502; Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997. С. 12–17; Эльфонд И. Я. Проблема этногенеза французов во французской историографии XVI в. // Историческая память в культуре эпохи Возрождения / отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2012. С. 207.

ности в ее мнемонической проекции. Это позволило молодому государю укрепить свою единодержавную власть визуально-мнемоническими средствами церемониального текста, не меняя в условиях борьбы с оппозицией и вынужденного компромисса с поддержавшей его верхушкой духовенства привычных для людей того времени политико-правовых стереотипов в восприятии «священства» и «царства».

Деформация традиционных представлений о «богоизбранности» православного государя хорошо прослеживается на примере законодательных инициатив, обеспечивающих решение Петра I о принятии императорского титула с целью закрепления притязаний России на лидерство в системе ведущих европейских держав, окончательно сформировавшееся после заключения Ништадтского мира вопреки традиционному приоритету Священной Римской империи. Именно эти притязания подтолкнули Петра I к решению о принятии императорского титула. С точки зрения общепринятой в то время международно-правовой традиции, подтвержденной нормами права ряда средневековых государств, такой шаг свидетельствовал о намерении российского государя вступить в открытое соперничество со Священной Римской империей. Новая внешнеполитическая ситуация могла обернуться кардинальными переменами в системе ведущих европейских держав, что на протяжении всего XVIII в. вызывало резкое противодействие международных партнеров России.

Чтобы предотвратить нежелательную для Российского государства негативную реакцию на дипломатическом уровне, Петр I сделал выбор в пользу максимальной театрализации процедуры поднесения ему титула «Императора Всероссийского и наименования: Великаго и Отца Отечества». Суть ее заключалась в передаче инициативы нового титулования Сенату и Синоду, все решения которых после окончания Северной войны в обязательном порядке стали проходить «высочайшую апробацию». Этот важный нюанс, необходимый для понимания законодательной политики Петра I в области укрепления правового статуса самодержавия как за рубежом, так и внутри страны, отмечал еще А. С. Пушкин при изучении «Полного собрания законов Российской империи». По словам поэта, царь «недолго церемонился» и быстро дал своим сподвижникам уговорить себя принять новый титул¹.

Политический сценарий, взятый за основу намеренной театрализации торжества, знаменующего приобретение Петром императорского статуса, подробно излагается в Акте от 22 октября 1721 г., изданном с целью обнародования политико-юридических последствий этого официального события. Текстовая стратегия, присущая его политическому сценарию, носила нарочитый и помпезный характер, что прослеживается в описании всех этапов развернутого в Петербурге церемониала, приуроченного к празднованию Ништадтского мира.

20 октября к Петру I от имени Сената был отправлен А. Д. Меншиков «с письменным прощением» от имени «всего народа Российского» о принятии титула «Отца Отечества, Императора Всероссийского...». Помимо надсословного фактора, свидетельствующего о должной оценке подданными всех социальных групп «отеческого попечения» царя, сенаторы успешно использовали в качестве обоснования выдвинутой ими инициативы концепцию «общего блага». Ее основные положения сыграли роль наиболее доступного для восприятия масс идеологического клише, с помощью

¹ Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великаго и Отца Отечества. 22 октября 1721 г. // Полн. собр. законов Российской империи (далее – ПСЗ). Спб., 1830. Собр. I. Т. 6. № 3840. С. 444–446; Пушкин А. С. История Петра // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 413.

которого Петр I впоследствии стремился обосновать свой самодержавный статус внутри страны и право на императорский титул за ее пределами.

Потребность в новой титулатуре мотивировалась рационалистическими соображениями, далекими от традиционных генеалогических сказаний московских летописей о родстве русских князей с римским императором Августом. В Акте от 22 октября указано, что основным аргумент Сената и Синода в пользу их совместного обращения к Петру заключался в «показании должного благодарения за высокую Его милость... и старание, которое Он о благополучии Государства во все время Своего славнейшаго Государствования, и особливо во время прошедшия Шведския войны явить изволил...»¹.

Судя по содержанию данного документа, разыгранная Меншиковым политическая комедия быстро превратилась в фарс. В ответ на просьбу «Светлейшего» об обнаружении «в церкви при отправлении торжества» факта «милостивого» принятия нового титула Петр I, подобно Тартюфу из одноименной комедии Ж.-Б. Мольера, потребовал прислать к нему некоторых высших сановников, включая двух вице-президентов Синода, чтобы те «Его Величеству паки то свое покорнейшее прошение повторили». По словам составителей Акта, царь проявил чувство политической умеренности и позволил высоким просителям уговорить себя только «по предложенным (ими. – Е. С.) важным представлениям». Их смысловая направленность, вероятно, послужила зрелищной основой публичной церемонии в Троицком соборе Петропавловской крепости, последовавшей через два дня после согласия Петра I на принятие императорского титула².

22 октября 1721 г. торжества, организованные по случаю заключения Ништадтского мира, начались с проведения литургии, на которой присутствовал сам Петр, высшие государственные сановники и духовные иерархи. После окончания церковной службы был зачитан текст трактата о вечном мире, а «потом от Архиепископа Псковского поучение на кафедре сказывано, в котором все Его Величества дела и славныя действия со всеми благодеяниями, которых Он во время сего Своего Государствования, особливо же сей войны, Своему Государству и подданным показал, пространно показаны...». В заключение оратор отметил, что присвоение Петру имени «Отца Отечества, Императора и Великого» «по достоинству... подобает», намеренно отказавшись при этом от использования какой-либо богословской аргументации³.

Та же светская направленность была выдержана и в поздравительной речи, произнесенной в честь Петра от имени «всех Государственных Чинов» графом Г. И. Головкиным. Важно, что российский канцлер привел политико-правовые основания, придающие ореол законности праву российского самодержца на использование нового титула в международной практике. Перечень таковых в Акте от 22 октября включает ссылку на волю императора Священной Римской империи Максимилиана, с которого якобы возникла традиция именования некоторых московских государей императорами в частном порядке. Что же касается имени «Отца Отечества», то в этом случае решающим аргументом, по мнению оратора, должен был стать пример «Греческих и Римских Сиглитов, которые своим, славными делами и милостию прославившимися, Монархам, оное прилагали». Таким образом, в речи Головкина еще раз был сделан акцент на всесловную направленность государственных тру-

¹ Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийскаго и наименования: Великаго и Отца Отечества. С. 444–445.

² Там же. С. 445.

³ Там же.

дов Петра I, придающую ему заслуженный статус самодержавного монарха на уровне сообщества великих европейских держав того времени.

Панегирик новому императору был завершён трехкратным приветственным криком «Виват», произведенным «от всего Сената». Это приветствие подхватила присутствующая на церемонии толпа простого народа, выразившая свою радость по поводу происходящего «великим и радостным воплем». Ликование усиливалось «трубным гласом и литаворным и барабанным боем... а потом пушечною стрельбою, как из крепости Санктпетербургской, так и Адмиралтейской...». Затем гвардия, выстроенная на площади перед Троицким собором, произвела торжественный салют в честь провозглашения Петра I императором¹.

На фоне этой впечатляющей картины Петр I произнес ответную речь, выдержанную «в кратких, но зело сильных словах». Суть ее сводилась к «отеческому увещанию» в необходимости постоянного труда на «пользу и прибыток общий» как внутри, так и за пределами Российского государства, что постепенно должно было привести к всеобщему народному процветанию.

Дальнейший ход рассуждений царя носил вполне модернизационный характер, призванный обеспечить сплочение всех сословных категорий его подданных вокруг верховной власти. По словам Петра I, получившим законодательное закрепление в Акте от 22 октября, вознесение благодарственных молебнов Богу не исключало совместных усилий самодержавной власти и подданных в деле достижения военного превосходства России над другими державами и сохранения государственной самостоятельности, некогда утраченной «одряхлевшей» Византийской империей. Столь откровенный переход от богословского традиционализма к рационалистической трактовке политико-правового канона, утверждающего божественную природу царской власти, способствовал значительному снижению религиозного потенциала проведенного затем благодарственного молебна. Его окончание было отмечено вторым салютом².

Екатерина Алексеевна и обе дочери Петра не присутствовали на торжественной церемонии, а их имена не упомянуты ни в одной из официальных речей, произнесенных в честь принятия государем императорского титула. Тем не менее члены Сената и высшая придворная знать решили в данном случае действовать *a priori*. Согласно Акту все они отправились потом к «Ея Величеству Императрице, и Оную низжайше поздравляли». Аналогичное поздравление было отправлено и юным «Их Высочествам Императорским Принцессам»³.

Оставалось закрепить новую форму титулатуры на нормативно-правовом уровне, и Петр I занялся этим вопросом сразу же после празднования Ништадтского мира. 11 ноября 1721 г. состоялся именной указ, утвержденный на основе «доношения» от Правительствующего сената. В нем император повелевал писать новый титул «в грамотах в иностранные и внутри Государств, также в указах, в челобитных, в отписках, в приговорах, в пашпортах» и деловой переписке между коллегиями. Чтобы ускорить это начинание и придать ему правовую основу, Сенат 6 декабря 1721 г.

¹ Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества. С. 444–445.

² Там же. С. 446.

³ Там же.

принял решение об изготовлении новой государственной печати для заверения всех императорских указов и официальных бумаг¹.

Особое значение Петр I придавал вопросу о правильном использовании императорского титула в дипломатических документах, где следовало указывать его полную форму с перечислением всех территориальных владений российской императорской короны. Называя себя «Божией поспешествующею милостию... Императором и Самодержцем Всероссийским», царь формально отдавал дань традиционному политико-правовому канону, который, однако, был поставлен на службу прагматической цели обоснования его притязаний на императорскую власть. Кроме того, принятие новой титулатуры способствовало окончательному определению сущности юридического статуса подданных в петровской иерархии государственно-правовых ценностей. Согласно именному указу от 11 ноября все частные лица были обязаны именовать себя в прошениях на высочайшее имя «...Императорского Величества низжайшим рабом...», что окончательно уравнивало все сословные категории в их зависимости от государственной власти, олицетворенной в законодательной воле императора-самодержца².

К началу декабря 1721 г. был решен вопрос о согласовании титула Екатерины Алексеевны и «детей Его Императорского Величества» с «титлом» Петра I. В данном случае царь предпочел сохранить инициативу за Сенатом и Синодом. Формально именно эти учреждения выступали в качестве гарантов сплочения сословий вокруг вновь провозглашенной императорской власти, представлявшей собой в юридическом смысле трансформированную модель старомосковского самодержавия, лишенного своей генетической взаимосвязи с земским началом. На основании сенатского указа, утвержденного по результатам совместной конференции двух высших государственных учреждений в синодальной Крестовой палате, было принято решение именовать «Ея Величество Императрицею или Цесаревою, а детям... именоваться Цесаревнами, понеже Императору придается в титуле Его Царское Величество...»³.

С историко-правовой точки зрения все дефиниции императорской власти, которые встречаются в учредительных нормативных актах 1721 г., отличаются расплывчатостью формулировок и декларативностью утверждения самодержавно-имперского идеала, прежде всего на международном уровне. Однако обращение российского законодателя к европейским вариациям древнеримского представления об «империи» как единой и нераздельной верховной власти было осуществлено исключительно на терминологическом уровне. Петровская реформа административного аппарата подразумевала введение отраслевого управления, но не предусматривала принципа разделения властей, что привело к абсолютизации территориального аспекта новой титулатуры в законодательстве и создавало для Петра Великого весьма призрачную возможность претендовать на равенство «с римским цесарем» в международно-правовом плане.

¹ О Императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах: именной указ от 11 ноября 1721 г. // ПСЗ-И. Т. 6. № 3850. С. 453–454; О сделании новой Государственной печати согласно с переменою Императорского титула: сенатский указ от 6 декабря 1721 г. // Там же. № 3864. С. 464; О возношении Высочайших Имян при церковнослужениях по данным формам: синодский указ от 18 января 1722 г. // Там же. № 3882. С. 481–483.

² О Императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах. С. 454.

³ О титуле Государыни Императрицы, Великих Княжн и детей Его Императорского Величества: сенатский указ от 23 декабря 1721 г. // ПСЗ-И. Т. 6. № 3869. С. 480.

Единственным вариантом обоснования легитимности императорского титула на законодательном уровне могло быть закрепление за ним военно-патриотического значения, ставшего лейтмотивом церемонии празднования Ништадтского мира. Тем не менее в нормативных правовых актах последующего времени законодатель отказался от дальнейшего развития данной политико-правовой идеи, так как любая последовательная попытка ее легитимации грозила осложнениями на международно-правовой арене, не обладая при этом достаточной репрезентативностью для объявления всех подданных «рабами Его Императорского Величества».

Возвращение к основным концептам упомянутой идеи происходило от случая к случаю по мере укрепления имперских амбиций России в области международных отношений, что, по мнению Петра I, требовало усиления мемориального компонента в деле прославления военных успехов и выявления их всеобщей значимости. Например, 29 апреля 1723 г. был утвержден именной указ об увековечении памяти Полтавской виктории, согласно которому Малороссийская коллегия должна была выделить необходимые средства для возведения «пирамиды каменной... в пристойном месте, где та баталия была...». Та же мемориальная цель была положена в основу данного Петром I Сенату предписания от 18 октября 1723 г. о необходимости упорядочить артиллерийские салюты «за прежние победы».

Расценивая сражение под Полтавой в качестве переломного для России события «Свейской войны», царь приказал «стрелять генерально везде только за Полтавскую баталию». Знаковый смысл согласно данному указу получили и «салютации» в Кронштадте, где они должны были «отправляться... за две морския (победы. – Е. С.), что были в один день 27 июля». Прочие, менее значимые, сражения Петр I предписал отмечать «в тех только городах, когда которой взят». Возникновение этих инициатив хронологически совпало с подведением итогов Каспийского похода, с успехами которого царь, по мнению большинства исследователей, связывал начало колониальной политики Российской империи. Кроме того, напоминание о силе русского оружия носило в данном случае демонстративный характер и вполне соответствовало разработанного при непосредственном участии Петра Великого политического мифа о западной угрозе как основном катализаторе активного вмешательства России в общеевропейские дела¹.

Визуально-мнемоническая природа петровской законодательной политики начала 1720-х гг., направленной на укрепление имперских амбиций надсословной самодержавной власти, отражена в церемониальном тексте коронации Екатерины Алексеевны. Хорошо известно, что Петр I принимал активное участие в корректировке старомосковского коронационного чина, используя элементы европейского церемониала. Свое произвольное вмешательство в прерогативу Священного синода новоиспеченный император мотивировал ссылкой на божественную природу царского «самовластия», дарованного ему для правильного «устроения христианского государства»². Несомненно, что в данном случае Петр I оценивал политическую актуальность коронации с точки зрения укрепления международного статуса императорской России

¹ О сделании каменной пирамиды на Полтавском поле, в память победы, одержанной над Шведами: именной, объявленный из Сената указ от 29 апреля 1723 г. // ПСЗ-I. Т. 7. № 4202. С. 53; О назначении когда и где стрелять за прежние победы: именной, данный Сенату указ от 18 октября 1723 г. // Там же. № 4327. С. 134; *Шафиров П. П.* Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла II, короля шведского, в 1700 году имел / вступит. ст. У. Э. Батлера, под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2008. С. 1–120

² Коронационный сборник / сост. под ред. В. С. Кривенко. Спб., 1899. С. 51.

в сообществе ведущих западных держав. Именно это обстоятельство способствовало его обращению к византийской традиции коронования императриц, в которой предусматривалось строгое разграничение прерогатив церкви и государства при последовательном доминировании в коронационном сценарии государственного начала.

Ярко выраженное публичное начало, характерное для организованного по инициативе Петра I коронования его царственной супруги, имело место уже на этапе нормативно-юридического сопровождения этого преимущественно светского торжества. О своем «высоком намерении» и «о причинах, к оному побуждающих», царь объявил в манифесте от 15 ноября 1723 г., подчеркнув выдающиеся качества Екатерины, благодаря которым она всегда была его верной союзницей в «служении» идеалу «общего блага». В то же время Петр I обратил внимание на ординарность этого события с точки зрения государственно-правовой практики партнеров России по большой европейской политике, сославшись не только на прецеденты из греко-византийской истории, но и на обычаи, «во всех Христианских государствах установленные»¹.

Манифест был предназначен для «всенародного множества», что расширяло узкий круг слушателей церемониальных речей с «объявлением» прав претендента на престол, превращая этот доступный прежде немногим приглашенным в Успенский собор политико-правовой ритуал в общее достояние подданных императорской короны.

Помимо этого, «торжественный случай», ради которого Петр вместе с Екатериной Алексеевной выехал в нелюбимую им Москву, изначально отличался повышенной степенью театрализации, рассчитанной прежде всего на западного зрителя. Царь и царица прибыли в бывшую резиденцию первых Романовых 22 марта 1724 г. и более месяца дожидались завершения подготовки к коронации. Желая продемонстрировать преемственность императорской власти в России от старомосковских образцов, воспринятых из византийского обихода, Петр распорядился украсить Соборную церковь «всяким дражайшим убором, сколько по греческому закону позволяется», оставив при этом образы святых открытыми, т. е. без «шпалер» или «иных украшений». Обязанность проследить за соблюдением греко-византийского канона была возложена на первого архиепископа Новгородского Феодосия, вместе с которым в Москву был отправлен П. А. Толстой².

Вместе с тем Петр I не был склонен пренебречь внешней роскошью коронационной церемонии. Ее цель заключалась в том, чтобы показать всему христианскому миру военно-политическую силу новой империи и высокий статус императорской власти, трансформирующей религиозные обычаи из прагматических соображений и в силу ее подготовленности к восприятию западных традиций. Коронационные торжества были назначены на 7 мая 1724 г. и продолжались несколько дней. Москва была оповещена об их проведении через герольдов с «трубачами и литаврами». Этот светский по своей форме и юридической сущности церемониал был, тем не менее, наполнен религиозным смыслом. Согласно официальной интерпретации верховная власть стремилась к тому, чтобы «верные подданные вознесли горячую молитву ко Всевышнему о совершении сего великаго и радостнаго дела и дабы Всевышний ни-

¹ О короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны: манифест от 15 ноября 1723 г. // ПСЗ-I. Т. 6. № 4366. С. 161–162; Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. 7 мая, 1724 году. Спб., 1724. С. 1.

² Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 1.

спослал свои благославления»¹. Основной акцент был, однако, сделан на зрелищности предстоящего события, которая в полной мере соответствовала его западной ориентации.

Организаторы церемонии отказались от традиционного обрамления коронации, свойственного старомосковскому венчальному чину, основанием которого было визуально-мнемоническое воплощение принципа симфонии при доминировании государственного начала. Провозгласив себя императором в условиях проведения масштабной церковной реформы, направленной на бюрократизацию духовенства, Петр I уже не считал необходимым атрибутом коронации своей супруги освящение ее нового статуса божественной волей через посредничество духовных иерархов. Более всего его заботил международно-правовой резонанс данной инициативы, суть которой заключалась в демонстрации западного компонента государственно-правовой политики Российской империи, отныне официально берущей на себя роль «Третьего Рима» во вселенском пространстве христианского мира. Это амбициозное намерение, естественно, выводило императорскую Россию на уровень перманентного конфликта с «римским цесарем», который традиционно рассматривался на Западе как законный правопреемник античного «империя», возглавляющий политическую иерархию европейских государей. С международно-правовой точки зрения намерение Петра I было опосредовано проводившейся под его руководством официальной дипломатической линией на обеспечение выгодного для России баланса сил в Европе, сохранение которого в значительной степени зависело от наличия или отсутствия паритета в отношениях между двумя императорскими дворами.

После заключения Ништадтского мира Петр в полной мере воспользовался новым международным статусом Российской империи как страны-победительницы в крупном международном конфликте за установление контроля за Балтикой и избрал в отношениях с европейскими державами наступательную тактику. Ее преобладание на уровне официальной дипломатии оказало решающее влияние на концепцию внутреннего убранства Успенского собора, превращенного по замыслу первого российского императора в огромную сценическую площадку для коронационного торжества. Прежде всего организаторы церемонии отказались от возведения простого царского чертога по старомосковскому образцу, заменив его более внушительным по размерам позолоченным тронном с двумя богато декорированными императорскими креслами. Трон располагался «в среди Церкви супротив Олтаря» и был предназначен, таким образом, для всеобщего обозрения. Рядом с ним, ближе к тому месту, которое должен был занять во время коронации Петр I, находился длинный стол с императорскими регалиями, «покрытый золотой парчю до самого пола»².

Важным зрелищным компонентом предстоящей церемонии стали текстовые коды, направленные на закрепление в сознании присутствующих на коронации лиц высших социальных рангов институционального представления об императорской фамилии. Петр I позаботился о том, чтобы подчеркнуть ее семейное и политическое единство, но сделал это в ущерб нисходящей линии по «старомосковской ветви». Почетное место «с изрядными шпалерами, и золотую парчю, на которой золотые Орлы чисто вышиты», было возведено только для обеих цесаревен, чтобы они могли свободно наблюдать за всеми подробностями коронационного торжества.

¹ Коронационный сборник. С. 52.

² Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 3.

Тем не менее историографический тезис о преобладании в церемониальном тексте коронации 1724 г. апологетической тенденции по отношению к «западной» семье императора в противовес законным потомкам первых Романовых вызывает некоторое сомнение¹. Юные дочери Петра I «всю церемонию смотреть изволили» вместе со своими двоюродными сестрами, Екатериной Мекленбургской и Анной Курляндской. Обе племянницы российского императора играли в дипломатии начала 1720-х гг. роль связующего звена между российским Востоком и европейским Западом в качестве представительниц иностранных династий и возможных кандидатур на заключение более или менее выгодных для России династических браков².

Таким образом, «демаркационная черта», разделявшая в ходе коронации Екатерины Алексеевны обе семьи Петра Великого, определялась соображениями политической конъюнктуры. Нарочитое отстранение прямых потомков опальной царицы Евдокии Лопухиной от активного участия в коронационной церемонии было, конечно, продиктовано не только личной неприязнью к детям царевича Алексея, но и стремлением продемонстрировать окончательный разрыв прозападного петербургского двора с консервативно настроенной Москвой.

В то же время попытка Петра I легитимировать императорский статус для себя и своей супруги была бы нежизнеспособной без обращения к самодержавной традиции его предшественников. Отводя дочерям царя Иоанна V почетное место в Успенском соборе, организаторы церемонии придавали этому жесту знаковый смысл. Облик племянниц Петра к тому времени уже вполне соответствовал западноевропейским канонам, а их принадлежность к царствующей династии Романовых символизировала преемственность поколений в императорской фамилии, старомосковской по происхождению, но западной по уровню политико-правовых взглядов на организующую роль монархического начала в императорском государстве.

Своеобразным показателем имперских притязаний петровской России стало устройство отдельной ложи для герцога Голштинского, длительное присутствие которого при русском дворе воспринималось европейскими дипломатами как однозначное свидетельство того, что Петербург намерен форсировать решение территориально-политической проблемы Шлезвига для усиления российского влияния в северной Европе. «Особливое место», приготовленное герцогу, располагалось сразу же за возвышением, предназначенном для дочерей и племянниц Петра I, что указывало на высокую вероятность установления родственных связей между обеими династиями³.

Стремясь придать коронационному церемониалу исключительно светский характер, Петр I позаботился о том, чтобы все приглашенные в Успенский собор могли в полной мере оценить великолепие задуманного им зрелища. У западной стены Со-

¹ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 3–4.

² См., например: Конвенция, учиненная между Российским и Прусским Двором «О супружестве вдовствующей Курляндской Герцогини Анны Иоанновны с Фридриком Вильгельмом Маркграфом Бранденбург-Шветским, Прусскаго Короля с племянником». 5/16 мая 1718 г. // ПСЗ-I. Т. 5. № 3200. С. 566–568; Конвенция, учиненная в Берлине Прусским Королем Фридрихом Вильгельмом с Императором Всероссийским Петром I «О супружестве Маркграфа Бранденбургскаго Карла со вдовствующею Герцогинею Курляндскою Анною Иоанновною». 17 декабря 1723 г. // ПСЗ-I. Т. 7. № 4403. С. 192–194. О матримониальных планах Петра I в отношении Екатерины Иоанновны и «мекленбургском деле» см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 17–18 // *Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М., 1993. Кн. 9. С. 412–414; *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 332–339.

³ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 4, 10, 19–20.

борной церкви, напротив алтаря, ближе к императорскому трону были построены две галереи в форме амфитеатра «с перлами, красными шпалерами обиты и перегороджены». Одна из них предназначалась для лиц, имеющих генеральские чины, «и прочих знатных особ при оной церемонии присутствующих», включая «знатнейших дам и девиц».

Почетное место слева от алтаря организаторы церемонии отвели иностранным дипломатам. Вместе с ними без всяких ограничений находились «прочие Господа, и Кавалеры Иностранные, которые ту славную церемонию смотреть желали». Таким образом, социальный состав присутствующих не только в полной мере соответствовал установке петровского царствования на консолидацию дворянства вокруг трона с целью служения идеалу «общего блага», но и свидетельствовал о том, что репрезентативная природа коронационного церемониала в значительной степени была рассчитана на международный уровень¹.

Тенденция к европеизации явно прослеживается в оформлении поставленного Петром I грандиозного политического спектакля, которое было бы неполным без роскошного золотого декора, превращенного в важный элемент церемониальной стратегии. Его знаковый смысл был тесно связан с политико-правовыми конструкциями западных теорий суверенной власти короля, которые восходят к учению тулузской юридической школы об абсолютной королевской власти и опосредованному им теоретическому наследию Ж. Бодена. В интерпретации французских юристов XVI в. независимость суверена от всех социально-политических институтов, включая церковь, проявляется в дарованной ему Богом прерогативе самому определять критерии благополучия государства и подданных. В этом отношении суверен связан только естественными законами, а его умение «управлять... в соответствии с естественным правосудием» способно превзойти «блеск самого солнца»².

Солярная символика, отражающая культ государственной власти, присутствовала и в старомосковском венчальном чине, испытавшем влияние византийской традиции. Связанные с ней аллюзии можно обнаружить в российской политико-правовой практике XVII столетия. Тем не менее подлинный культ золотого цвета стал характерной чертой коронации 1724 г., сценарий которой очевидно моделировался под воздействием посещения Петром I Версальской резиденции Людовика XIV, где поклонение «Королю-Солнцу» ассоциировалось с аполлоническим светом. Убранство Успенского собора сияло всеми оттенками золота, а его назначение сводилось к тому, чтобы подчеркнуть доминирование политических мотивов коронации над ее религиозно-нравственной сущностью³.

¹ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 4–6. О международно-правовых аспектах «шлезвиг-голландской проблемы» и возможных способах ее разрешения в первой четверти XVIII в. см., например: *Лаппо-Данилевский А. С.* Россия и Голландия: очерк из истории германо-русских отношений в XVIII веке // Исторический архив. 1919. № 1. С. 255–282; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 186–314, 417–430; *Молчанов Н. Н.* Указ. соч. С. 425–426, 379–385; *Некрасов Г. А.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964. С. 96–130; *Никифоров Л. А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадский мир. М., 1959. С. 47–80, 120–164, 355–394, 395–478; *Бобылев В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I: моногр. М., 1990. С. 134–137; *Гаврилов С. Л.* Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710–1718. М., 2011. С. 3–25.

² Цит. по: *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // *Козлихин И. Ю.* История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта. СПб., 2001. С. 99.

³ Коронационный сборник. С. 52–53; *Соколова Е. С.* Культ Аполлона в греко-римской политико-юридической традиции: о мнемонических истоках формирования солярной семантики европейских

В официальном описании коронационной церемонии, «торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 г.», подробно зафиксирована официальная стратегия броского декора, которая отличалась нарочитой простотой семантических кодов, не требующих дополнительных пояснений¹. «Западный» оттенок присутствовал и в новом оформлении императорских регалий, внешний вид которых получил подробное официальное описание. Вместо шапки Мономаха для Екатерины «сочинили» выполненную по поздневизантийским образцам корону, сплошь покрытую жемчугом, алмазами и бриллиантами, «между которыми было великое число удивительной величины». Она представляла собой соединение двух частей-диадем, увенчанных посередине массивным бриллиантовым крестом; эта форма символизировала возрождение в политической практике Российской империи теории «Москва – третий Рим» уже на ином по сравнению со средневековой традицией теоретическом уровне. Обе диадемы служили указанием на объединение Запада и Востока в одной христианском государстве, во главе которого находятся правопреемники самодержавной власти римско-византийских императоров².

В официальных коронационных сборниках Российской империи последующего периода указывалось, что, коронуя свою супругу, Петр таким образом лишь приобщил ее «к Императорскому достоинству». Семантическое значение нового статуса императрицы получило отражение в действиях первого архиерея, осенившего крестным знаменем императорскую корону уже после того, как сам Петр возложил ее на голову венчаемой им на царство государыни. Затем Екатерине был поднесен золотой «державный глобус», «дело которого» на основе древнего предания считалось «древне римским, и весьма удивления достойным». Скипетр, свидетельствующий о преемстве императорской власти от старомосковских самодержцев, так и остался у Петра. Важно, что перенос императорских регалий в Успенский собор был доверен высшим должностным лицам из ближайшего окружения царя, которые шли в сопровождении двух герольдмейстеров Сената. Светский характер этой церемонии подчеркивался отсутствием Мономахова (Животворящего) креста, поклонение которому прежде являлось обязательным элементом венчального чина³.

Зрелищность коронации 1724 г., говорящая об исчезновении из ее церемониального текста ярко выраженных сакральных мотивов, прослеживается и в «славном» шествии императорской четы к Соборной церкви, получившем на официальном уровне наименование «марша». По воле Петра I этот обязательный элемент старомосковского венчального чина, репрезентативная стратегия которого состояла в создании наглядно-образными средствами идеала православного царя, получил совершенно иную интерпретацию. При помощи моделирования простых и доступных для восприятия мнемонических кодов утверждалась идея военной мощи вновь про-

монархий раннего Нового времени // Genesis: истор. исследования. 2015. № 6. С. 420–447; Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. Спб., 1881. Т. XXXIV. С. 123–211; О пребывании Петра I в Париже в 1717 году. Из записок герцога де Сен-Симона // Петр Великий / сост., вступ. ст. и комментарии Е. В. Анисимова. М., 1993. С. 138–153; Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 4–6.

¹ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 2–5.

² Там же. С. 2, 13, 25.

³ Коронационный сборник. С. 59; Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 7–8, 13–14.

возглашенного императорского государства при наличии неразрывного военно-политического союза между верховной властью, императорской гвардией и служилым дворянством.

«Марш» начинался от императорских апартаментов, на сутки перенесенных по случаю торжества в наскоро отремонтированные помещения Кремлевского дворца. Утром 7 мая 1724 г. «обе гвардии Его Императорского Величества, и протчие батальоны пришли в Кремль», где они были расставлены по Ивановской площади. Путь, по которому Петр и Екатерина шествовали от Красного крыльца до Соборной церкви, тоже охранялся гвардейцами, одетыми в парадную форму. По образцу коронаций конца XVII в. молебен о здравии императора и императрицы, а также следующая за ним литургия были проведены до начала официальной церемонии, что свидетельствовало о преобладании в ее текстовых кодах государственного начала по византийскому обычаю. После окончания богослужения под звон всех соборных колоколов императорская чета в окружении ближайших сподвижников Петра, знатнейших лиц высших военных рангов и роскошно одетых придворных дам проследовала в Успенский собор. Особое место в императорской свите занимали приглашенные на коронацию провинциальные дворяне, дослужившиеся до бригадирского чина. Это наглядно подтверждало преобладание в социально-политической природе Российской империи модели «служилого государства», основанной на иерархии чинов и бюрократических рангов¹.

В научной литературе прошлых лет отмечалось стремление Петра I к приведению российского коронационного чина в полное соответствие с византийским канонем. Аналогичная точка зрения высказывалась и на уровне официальной идеологии в коронационных альбомах XIX – начала XX в., стратегическая цель которых состояла в возрождении в правосознании подданных Российской империи традиционного концепта божественной природы императорской власти. Следует отметить, что в ходе подготовки к коронованию Екатерины Алексеевны Петр I, вероятно, руководствовался столь же прагматическими соображениями, рационализм которых, почерпнутый им из протестантского политико-правового дискурса, все же преобладал над старомосковскими представлениями о сакральных истоках православного царства. Его обращение к историческим корням византийского коронационного обряда было продиктовано потребностью в выработке нового политического канона в отношениях между церковью и государством, где уже не было места для воплощения в жизнь принципа «симфонии»².

На фоне реализации концептов сословного законодательства, способствующих бюрократизации духовенства и его вхождению в служилую иерархию социальных групп Российской империи, обращение к греческому обряду носило исключительно формальный характер семантического соответствия теории «Москва – третий Рим».

Активность высшего духовенства была ограничена пределами Успенского собора, что в целом должно было по замыслу Петра I усилить элемент сакрализации

¹ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 6–9.

² Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 42–80. Коронационный сборник. С. 51–62; Токмаков И. Историческое описание всех коронаций Российских Царей, Императоров и Императриц. М., 1896. С. 65–71. О социально-политической специфике и культурно-исторических кодах коронационного церемониала в Византии см.: Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011. С. 96–129.

императорской власти, придав ей значение единственного посредника между Богом и «множеством» всероссийского народа. Не допущенные к переносу императорских регалий «архиереи и прочие власти» освятили их только у входа в Соборную церковь «каждением и воды Священной кроплением»¹.

Исчерпывающий правовой комментарий к визуально-мнемоническим кодам, отражающим верховенство «православного царства» над «священством», был сделан Петром I в краткой речи, обращенной к духовенству. Сославшись на манифест 1723 г., закрепивший право Екатерины Алексеевны на императорскую корону, он в повелительном тоне потребовал от высшего духовенства «коронование... по чину церковному совершить», что, по сути, ставило законодательную инициативу императора выше церковного канона и старомосковского обычая².

Таким образом, политико-правовой смысл нового коронационного чина постулировал идею сохранения за церковью только нравственно-идеологического влияния на реализацию прерогатив императорской власти. Ее новый статус подчеркивался при помощи обрядов, заимствованных из греческой коронационной практики, но без свойственной византийскому образцу тенденции к преодолению крайностей античного представления о неограниченном «империуме», тождественном воле богов³.

Петр сам вел Екатерину по золотому ковру в сопровождении придворной свиты к церемонии миропомазания, после чего она причастилась на пороге алтаря, причем «антидор», вино, святую воду и полотенце новой императрице подавали архиереи и протопопы Кремлевских соборов. В поучительном слове, произнесенном после коронации Феофаном Прокоповичем, превозносились в основном мирские добродетели Екатерины, позволившие ей по воле супруга заслуженно обрести императорскую корону. Мирской компонент доминировал и в поздравительной части церемониального текста, когда после возложения регалий и пения многолетия «салютация» стоящих на Ивановской площади войск смешалась с колокольным звоном, предшествующим литургии⁴. Примерно тот же, но уже менее торжественный сценарий повторился при посещении императрицей Вознесенского монастыря, куда Петр не поехал, сославшись на плохое самочувствие.

Согласно общепринятому церемониалу европейских дворов, служившему для возвышения особы монарха над подданными на основе репрезентативных стратегий, для императорской четы был сервирован парадный обед. По старомосковской традиции он проходил в Грановитой палате, приведенной в порядок после 20-летнего запустения и убранной шпалерами из красного бархата и золотой парчи. Судя по официальному описанию торжественной трапезы, ее канон во многом соответствовал европейскому обычаю, где большая роль отводилась декору, последовательной перемене блюд и соблюдению придворного этикета. Быт европейских дворов всегда отличался мелочной регламентацией, что создавало визуальный барьер между особым, сакральным миром монарха и повседневной жизнью его подданных⁵. Таким образом, московское пиршество, в организации которого ведущая роль принадлежала по западному образцу первому церемониймейстеру, изначально тяготела к прославлению императорской четы мирскими средствами. Например, при каждой переме-

¹ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 8–9, 11.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 11–12.

⁴ Там же. С. 15–16, 14, 17.

⁵ Там же. С. 15–19, 20–24, 20–21.

не блюд обер-гофмейстер «по чину своему кушанье с Императорского Стола сымал, и другое поставлял с обыкновенными колена поклонениями...»¹.

Большое значение придавалось и роскоши окружающей обстановки, что должно было подчеркнуть статусное равенство петербургско-московского двора с королевскими домами Европы. На всеобщее обозрение были выставлены столовые приборы и драгоценная посуда с «жемчугами ориентальными» из царского обихода, которые были якобы выполнены мастерами периода существования двух «предшествующих Римов», а затем унаследованы московскими самодержцами². Одновременно на Ивановской площади шло гуляние, организованное для разносословной толпы простого народа, пришедшего почтить императорскую чету³.

Коронационные торжества продолжались еще три дня, в течение которых они окончательно утратили религиозный оттенок и приобрели ярко выраженное репрезентативное значение в расчете на международный резонанс. Иностранные дипломаты не были допущены на пиршество в Грановитую палату, и Екатерина принимала их 8 мая – после того, как ей принес официальные поздравления герцог Голштинский, прибывший в Кремль со своей свитой. Только затем она допустила к себе людей «всех чинов, как духовных, так и мирских...», с их «всепопданейшим» выражением верности новой императрице⁴.

Напоследок глубокой ночью был сожжен «преизрядный и весьма искусный фейерверк», политическая семантика которого полностью совпадала с общей тональностью коронации⁵. Аллегорические образы, составлявшие смысловой фон московской «огненной потехи», оказались, вопреки своему западному происхождению, просты для восприятия и наглядно объясняли присутствующим юридический смысл происходящего.

Центральный транспарант, подсвеченный «фонариками разных цветов, которые светили всю ночь», был украшен изображением императорской короны с подписью «От Бога и супруга». В центре красовалось изображение Петра I в виде прибывшего с поздравлением к императрице бога Нептуна, что являлось прямым указанием на решающее значение побед российского флота для укрепления имперского статуса самодержавной власти. Девиз справа, помещенный над короной, расположенной между двух обелисков, был составлен из заглавных латинских букв V, E, R, I (*Vivat Ecatharina Imperatrix Russorua*). Вдоль пирамид, обозначающих вечность и незыблемость Российского государства, укрепленного неустанными трудами государя-самодержца, находились лавры, расцвеченные зелеными огнями и дополненные разнообразными пиротехническими эффектами⁶.

Палитра семантических образов, использованная для прославления Екатерины-императрицы, не отличалась новизной и в целом была уже неплохо знакома как

¹ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 24.

² Там же. С. 20–24.

³ Там же. С. 23. См. также: Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников, и расположенные по годам: в 15 т. М., 1839. Т. 10. С. 67; Коронационный сборник. С. 61–62.

⁴ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве. С. 24.

⁵ Там же.

⁶ Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903. С. 196; Языков Д. И. Коронование императрицы Екатерины Алексеевны Петром Великим в 1724 году // Отеч. зап. 1845. Т. 38. Ч. 1. Отд. 2. С. 1–17.

русскому, так и европейскому зрителю. В ходе утверждения и обнародования коронационного манифеста Петр I несколько раз обращался к разработке массовых визуально-мнемонических кодов, способствующих восприятию основных юридических аргументов в пользу принятого им решения. Увеселительные фейерверки, которыми в петровскую эпоху сопровождалась все сколько-нибудь значимые события общегосударственной важности, как нельзя лучше подходили для этой цели в силу своей выразительной политико-правовой семантики¹.

Впрочем, иногда фейерверочные «инвенции» отличались полной смысловой ясностью и не нуждались в дополнительных разъяснениях. Например, 24 ноября 1723 г., когда Петербург праздновал день «тезоименитства» Екатерины Алексеевны, императорский девиз представлял собой «высокую колонну» в обрамлении двух увитых лавровыми ветвями пирамид, увенчанную короной. Горевшая в промежутках между ними латинская аббревиатура, титуловавшая Екатерину «императрицей Российской», была воспринята иностранцами, находившимися при петербургском дворе, в качестве намека на предстоящее коронавание в Москве. Впечатление это, вызвавшее в дипломатической переписке весьма негативную оценку имперских амбиций Петра I, усугублялось тем, что по его приказу во время фейерверка раздавали напечатанное на русском языке объявление о коронации, которое уже было разрешено пустить в продажу².

Следует отметить, что западнический колорит коронационной церемонии и сопутствующих ей торжественных мероприятий оказал существенное воздействие на моделирование некоторых элементов официальной мнемонической стратегии. Вопреки активному обращению Петра I к концепции «общего блага», превращенной в смысловой лейтмотив коронационного торжества как на законодательном уровне, так и в ходе моделирования церемониальной стратегии, разработанный им сценарий в целом не претендовал на создание семантических кодов, направленных на визуализацию принципа единства социально-политических интересов верховной власти и подданных.

Социальный статус лиц, приглашенных в Успенский собор, находился в полном противоречии с повседневным демократизмом императорского двора, что свидетельствовало о явной заинтересованности Петра в международно-правовом аспекте коронации, связанном с легитимацией его нового титула. Присвоив себе прерогативу коронавания супруги, некогда существовавшую у византийских императоров, он таким образом заранее заложил в церемониальный текст идею законной исторической преемственности имперской государственности России от Константинополя. Петру I было важно подчеркнуть прежде всего формальное равенство статуса императрицы, получившей корону «Божьей милостью», но из рук и по инициативе самодержца,

¹ Дневник Каммер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год: в 4 ч. Ч. 3: 1723-й год / пер. с нем. И. Аммон. М., 1860. С. 33–34; Ровинский Д. А. Указ. соч. С. 196; Соколова Е. С. «Знаменованье... начальнейшей всемогущей власти...»: политическая семантика и инновационные аспекты официальных русских фейерверков XVII – первой половины XVIII вв. // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир – Россия – Урал: сб. докл. / под ред. Л. А. Зарса. Екатеринбург, 2010. Т. 1. С. 447–456; О социокультурных аспектах официальных фейерверков начала 1720-х гг. в императорской России см.: Васильев В. Н. Старинные фейерверки в России (XVII – первая четверть XVIII века). Л., 1960. С. 44–46.

² Дневник Каммер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год. С. 256–257.

статусу императора-помазанника, облеченного неограниченными полномочиями верховной власти в качестве законного преемника престола своих предков.

Учитывая узкопрагматическую направленность заложенных в церемониальный текст коронации 1724 г. мемориальных концептов, можно утверждать, что сословный фактор занимал здесь весьма скромное место по сравнению со старомосковскими образцами. Завершая чтение духовного наставления императрице, Феофан Прокопович ограничился лишь кратким поздравлением в ее адрес от всех российских сословий¹.

Репрезентативное значение екатерининской коронации, ориентированной прежде всего на дипломатические круги Запада, получило должную оценку собравшихся в Москве представителей европейских дворов, отметивших пышность и великолепие поставленного для них политического спектакля. Сложнее обстоял вопрос с признанием на международном уровне за Екатериной Алексеевной императорского титула, правомерность которого оспаривалась западными державами даже в отношении Петра I. В дипломатических документах и мемуарах того времени обсуждался вопрос о низком происхождении новой императрицы, возведенной на вершину «политического Олимпа» лишь по воле своего грозного супруга-самодержца. Этого факта не отрицал и сам Петр, виртуозно превративший столь щекотливое обстоятельство в важный элемент коронационного сценария².

Блистательная судьба поднявшейся из низов Екатерины стала выразительной иллюстрацией к принципу выслуги сословно-правового статуса, получившему в первой четверти XVIII в. основополагающее значение для моделирования надсословной законодательной политики. Желая подчеркнуть равенство членов императорской фамилии с рядовыми подданными российской короны в обязанности «службы отечеству», Петр I мотивировал свое решение короновать супругу ее посильным вкладом в достижение «общего блага», закрепив проявленную им волю на нормативно-правовом уровне.

Те же мотивы присутствовали в поведенческой стратегии самого императора, который принял участие в поздравлениях, принесенных Екатерине от дипломатической, военно-бюрократической и придворной элиты, не задействованной в коронационном чине. По словам Ф.-В. Берхгольца, государь находился в толпе лиц, поздравлявших его супругу, и подошел к ней с поцелуем «как генерал и полковник гвардии, по порядку старшинства...». Этот нарочитый демарш не помешал Петру I официально утвердить прямо противоположную иконографию коронационной медали, на которой он был изображен в одеянии византийских императоров возлагающим корону на коленопреклоненную Екатерину. Не менее выразительным с политико-правовой

¹ Дневник Каммер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год. С. 54. Идеализация политико-идеологической «высочайшего супружества» происходила в период серьезного кризиса в личных отношениях Петра I и Екатерины Алексеевны на фоне кровавого судебного процесса против В. Монса и его семьи. В. Монс был возведен императрицей в камергеры в день коронации. О деле Монса см.: Там же. С. 100–106; Голиков И. И. Указ. соч. С. 106–110 и след.

² О негативном отношении Версаля к императорскому титулу Петра I см., например: *Memoire sur les négociations entre la France et le Czar de la Grande Russie Pierre I, fait en 1726 par m-r Le-Dran, premier commis des affaires étrangères. 1722–1724. (Continuation)*. Докладная записка о сношениях между Францией и Россией в царствование Петра I, составленная в 1726 году Ледраном, старшим чиновником департамента иностранных дел. 1722–1724. (Продолжение) // Сборник Императорского русского исторического общества. Спб., 1885. Т. XLIX. С. XXIX–XXXI; Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. № 12. M-r de Campredon au cardinal Dubois. Moscou, le 23 février 1722. От г. де Кампредона к кардиналу Дюбуа. Москва, 23 февраля 1722 г. // Там же. С. 65–67.

точки зрения представляется сюжет, вычеканенный на жетонах с портретом новой императрицы, предназначенных для простого народа, собравшегося в день коронации на Ивановской площади. Их обратная сторона была украшена изображением лежащей на алтаре императорской короны с надписью «От Бога и Императора», что в целом совпадало с мнемонической основой коронационного фейерверка¹.

Все это, однако, мало способствовало официальному признанию императорского титула российских государей на дипломатическом уровне, о чем свидетельствуют некоторые репрезентативные инициативы, закрепленные в актах международного права 1720-х гг.² Вероятно, по этой причине в нормативно-правовом обеспечении парадного церемониала, сопровождающего официальное изменение титулатуры, основной акцент пришелся на его театрализацию. Новая семантика церемониального текста демонстрировала всеословную направленность государственной деятельности Петра I и создавала иллюзию всеобщего признания его заслуг перед отечеством.

Ту же цель преследовала последующая законодательная инициатива по согласованию титула Екатерины Алексеевны и обеих царских дочерей с новым международно-правовым статусом России как императорского государства. Достигнутые при этом выразительность и универсальность визуально-мнемонических кодов, рассчитанные на массовое восприятие самых разных социальных слоев, была продиктована, в частности, отсутствием продуманной дефиниции понятия императорской власти в законодательстве как начала 1720-х гг., так и последующих лет.

Рецепция данного понятия происходила лишь на терминологическом уровне. Россия времен Петра Великого не соответствовала имперским критериям западной политико-правовой парадигмы ни в территориальном отношении, ни, тем более, применительно к идее «империума», предполагавшей в императорском Риме четкое разграничение властных правомочий по определению сущности политико-правовых прерогатив императора. Что же касается военно-политического аспекта императорской власти, то обращение законодателя к его текстовым кодам отличалось умеренностью и использовалось лишь на фоне внешнеполитической практики для прославления могущества российской армии и флота и сопутствующей разработки

¹ О короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны. С. 161–162; О обнародовании благополучного совершения коронации Ея Императорскаго Величества Императрицы Екатерины Алексеевны и о принесении торжественного Господу Богу благодарения: именной, данный Тайному Советнику Матвееву указ от 10 мая 1724 г. // ПСЗ-I. Т. 7. № 4501. С. 281; Дневник Каммер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великаго, с 1721-го по 1725-й год. С. 59–60; Коронационный сборник. С. 51–53.

² Грамота Шведскаго Короля Фридриха I-го к Государю Императору Петру Великому «О признании Его величества Всероссийским Императором, с поздравлением Его оным титулом». 28 июня / 8 июля 1723 г. // ПСЗ-I. Т. 7. № 4255. С. 85–86; Трактат, заключенный на конгрессе в Ништате уполномоченными министрами: с российской генералом-фельдцейгмейстером графом Брюсом и канцелярии советником Остерманом, а с шведской стороны Лилиенштейном и бароном Штрёмфельтом «О вечном мире между обоими государствами». 30 августа 1721 г. // Там же. Т. 6. № 3819. П. 8. С. 424–425; Трактат, заключенный в Санктпетербурге между Императором Петром I и Голстинским Герцогом Карлом Фридрихом «О супружестве Его с Цесаревною Анною Петровною». 24 ноября 1724 г. // Там же. Т. 7. № 4605. П. 21. С. 379; Описание о браке между Ея Высочеством Анною Петровною Цесаревною Всероссийскою, и Его Королевским Высочеством Карлом Фридрихом Герцогом Голштейнотторпским. Спб., 1725. С. 1–8; Декларация, поданная Шведскому Двору от Российскаго в Стокгольме Посланника Графа Головина «О ненарушении равенства между обоими Дворами, по случаю признания Королем Шведским в 1725 году Российскаго Государя Императором». 19 июня / 4 июля 1729 г. // ПСЗ-I. Т. 8. № 5422. С. 204–205; Декларация, данная Шведскому Двору от Российскаго в Стокгольме Посланника Графа Головина «О ненарушении равенства между Шведскими Российским Дворами, по случаю признания со стороны Шведскаго Короля Императорскаго титула Российской Государыни». 5 июля 1730 г. // Там же. Т. 8. № 5553. С. 274–275.

мифа о западной агрессии с целью обоснования активного вмешательства императорской России в общеевропейские дела.

Библиография

Memoire sur les négociations entre la France et le Czar de la Grande Russie Pierre I, fait en 1726 par m-r Le-Dran, premier commis des affaires étrangères. 1722–1724 (Continuation). Докладная записка о сношениях между Францией и Россией в царствование Петра I, составленная в 1726 году Ледраном, старшим чиновником департамента иностранных дел. 1722–1724 (Продолжение) // Сборник Императорского русского исторического общества. Спб., 1885. Т. XLIX.

Simbola et emblemata, Fullu atque auspiciis sacerrimae suae Majestatis Augustissimi ac Serenissimi Imperatoris Moschoviae Magni Domini Czaris, et Magni Ducis Petri Alexeidis, totius Magnae, Parve & Albae Rossiae, nec non aliarum multarum Potestatum Dominiorum Orientalium, Occidentalium Aquilonariumque Supremi Monarchae exula. Amstelaedami. Apud Henricum Wetstenium. 1705. № 50.

Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества. 22 октября 1721 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 6. № 3840.

Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I: моногр. М., 1990.

Боден Ж. Шесть книг о государстве // *Козлихин И. Ю.* История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта. СПб., 2001.

Васильев В. Н. Старинные фейерверки в России (XVII – первая четверть XVIII века). Л., 1960.

Гаврилов С. Л. Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710–1718. М., 2011.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников, и расположенные по годам: в 15 т. М., 1839. Т. 10.

Грамота Шведского Короля Фридриха I-го к Государю Императору Петру Великому «О признании Его величества Всероссийским Императором, с поздравлением Его оным титулом». 28 июня / 8 июля 1723 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 7. № 4255.

Декларация, данная Шведскому Двору от Российского в Стокгольме Посланника Графа Головина «О ненарушении равенства между Шведскими Российским Дворами, по случаю признания со стороны Шведского Короля Императорского титула Российской Государыни». 5 июля 1730 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 8. № 5553.

Декларация, поданная Шведскому Двору от Российского в Стокгольме Посланника Графа Головина «О ненарушении равенства между обоими Дворами, по случаю признания Королем Шведским в 1725 году Российского Государя Императором». 19 июня / 4 июля 1729 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 8. № 5422.

Дневник Каммер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год: в 4 ч. Ч. 3: 1723-й год / пер. с нем. И. Аммон. М., 1860.

Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. Спб., 1881. Т. XXXIV.

Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. № 12. M-r de Campredon au cardinal Dubois. Moscou, le 23 février 1722. От г. де Кампредона к кардиналу Дюбуа. Москва, 23 февраля 1722 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Спб., 1885. Т. XLIX.

Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997.

Конвенция, учиненная в Берлине Прусским Королем Фридрихом Вильгельмом с Императором Всероссийским Петром I «О супружестве Маркграфа Бранденбургского Карла со вдовствующею Герцогинею Курляндскою Анною Иоанновною». 17 декабря 1723 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 7. № 4403.

Конвенция, учиненная между Российским и Прусским Двором «О супружестве вдовствующей Курляндской Герцогини Анны Иоанновны с Фридрихом Вильгельмом Маркграфом Бранденбург-Шветским, Прусского Короля с племянником». 5 / 16 мая 1718 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 5. № 3200.

Коронационный сборник / сост. под ред. В. С. Кривенко. Спб., 1899.

Лаппо-Данилевский А. С. Россия и Голштиния: очерк из истории германо-русских отношений в XVIII веке // Исторический архив. 1919. № 1.

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990.

Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964.

Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадский мир. М., 1959.

Нора П. и др. Франция – память. Спб., 1999.

О возношении Высочайших Имян при церковнослужениях по данным формам: синодский указ от 18 января 1722 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 6. № 3882.

О Императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах: именной указ от 11 ноября 1721 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 6. № 3850.

О короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны: манифест от 15 ноября 1723 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 6. № 4366.

О назначении когда и где стрелять за прежние победы: именной, данный Сенату указ от 18 октября 1723 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 7. № 4327.

О обнаружении благополучного совершения коронации Ея Императорского Величества Императрицы Екатерины Алексеевны и о принесении торжественного Господу Богу благодарения: именной, данный Тайному Советнику Матвееву указ от 10 мая 1724 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 7. № 4501.

О пребывании Петра I в Париже в 1717 году. Из записок герцога де Сен-Симона // Петр Великий / сост., вступ. ст. и комментарии Е. В. Анисимова. М., 1993.

О сделании каменной пирамиды на Полтавском поле, в память победы, одержанной над Шведами: именной, объявленный из Сената указ от 29 апреля 1723 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 7. № 4202.

О сделании новой Государственной печати согласно с переменою Императорского титула: сенатский указ от 6 декабря 1721 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 6. № 3864.

О титуле Государыни Императрицы, Великих Княжн и детей Его Императорского Величества: сенатский указ от 23 декабря 1721 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 6. № 3869.

Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отпраздненной в царствующем граде Москве. 7 мая, 1724 году. Спб., 1724.

Описание о браке между Ея Высочеством Анною Петровною Цесаревною Всероссийскою, и Его Королевским Высочеством Карлом Фридрихом Герцогом Голштейнготторпским. Спб., 1725.

Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011.

Пушкин А. С. История Петра // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1951. Т. 8.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.

Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII. Описание фейерверков и иллюминаций. Спб., 1903.

Соколова Е. С. «Знаменование... начальнейшей всемогущей власти...»: политическая семантика и инновационные аспекты официальных русских фейерверков XVII – первой половины XVIII вв. // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир – Россия – Урал: сб. докл. / под ред. Л. А. Закса. Екатеринбург, 2010. Т. 1.

Соколова Е. С. Культ Аполлона в греко-римской политико-юридической традиции: о мнемонических истоках формирования солярной семантики европейских монархий раннего Нового времени // Genesis: истор. исследования. 2015. № 6.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 17–18 // *Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М., 1993. Кн. 9.

Токмаков И. Историческое описание всех коронаций Российских Царей, Императоров и Императриц. М., 1896.

Трактат, заключенный в Санктпетербурге между Императором Петром I и Голстинским Герцогом Карлом Фридрихом «О супружестве Его с Цесаревною Анною Петровною». 24 ноября 1724 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 7. № 4605. П. 21.

Трактат, заключенный на конгрессе в Ништате уполномоченными министрами: с российской генералом-фельдцейгмейстером графом Брюсом и канцелярии советником Остерманом, а с шведской стороны Лилиенштейном и бароном Штремфельтом «О вечном мире между обоими государствами». 30 августа 1721 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. I. Т. 6. № 3819. П. 8.

Уртман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла II, короля шведского, в 1700 году имел / вступит. ст. У. Э. Батлера, под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2008.

Эльфонд И. Я. Проблема этногенеза французов во французской историографии XVI в. // Историческая память в культуре эпохи Возрождения / отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2012.

Языков Д. И. Коронование императрицы Екатерины Алексеевны Петром Великим в 1724 году // Отеч. зап. 1845. Т. 38. Ч. 1. Отд. 2.

Bibliography

Akt podneseniya Gosudaryu Caryu Petru I titula Imperatora Vserossijskago i naimenovaniya: Velikago i Otca Otechestva. 22 oktyabrya 1721 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 6. № 3840.

Bobylev V. S. Vneshnyaya politika Rossii ehpxoi Petra I: monogr. M., 1990.

Boden Zh. Shest' knig o gosudarstve // Kozlixin I. Yu. Istoriya politicheskix i pravovyx uchenij. Novoe vremya: ot Makiavelli do Kanta. SPb., 2001.

Deklaraciya, dannaya Shvedskomu Dvoru ot Rossijskago v Stokgol'me Poslannika Grafa Golovina «O nenarushenii ravenstva mezhdru Shvedskimi Rossijskim Dvorami, po sluchayu priznaniya so storony Shvedskago Korolya Imperatorskago titula Rossijskoj Gosudaryni». 5 iyulya 1730 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 8. № 5553.

Deklaraciya, podannaya Shvedskomu Dvoru ot Rossijskago v Stokgol'me Poslannika Grafa Golovina «O nenarushenii ravenstva mezhdru oboimi Dvorami, po sluchayu priznaniya Korolem Shvedskim v 1725 godu Rossijskago Gosudaryu Imperatorom». 19 iyunya / 4 iyulya 1729 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 8. № 5422.

Dnevnik Kammer-yunkera Berxgol'ca, vedennyj im v Rossii v carstvovanie Petra Velikago, s 1721-go po 1725-j god: v 4 ch. Ch. 3: 1723-j god / per. s nem. I. Ammon. M., 1860.

Dokumenty, otnosyashhiesya do prebyvaniya carya Petra I vo Francii, za april' i maj mesyacy 1717 goda // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. Spb., 1881. T. XXXIV.

Doneseniya francuzskogo konsula v Peterburge Lavi i polnomochnago ministra pri russkom dvore Kampredona s 1722 po 1724 g. № 12. M-r de Campredon au cardinal Dubois. Moscou, le 23 fevrier 1722. Ot g. de Kampredona k kardinalu Dyubua. Moskva, 23 fevralya 1722 g. // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. Spb., 1885. T. XLIX.

Ehl'fond I. Ya. Problema ehntogeneza francuzov vo francuzskoj istoriografii XVI v. // Istoricheskaya pamyat' v kul'ture ehpxoi Vozrozhdeniya / отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2012.

Gavrilov S. L. Ostzejskie nemcy v Sankt-Peterburge. Rossijskaya imperiya mezhdru Shlezvigom i Gol'shtejnom. 1710–1718. M., 2011.

Golikov I. I. Deyaniya Petra Velikago, mudrago preobrazitelya Rossii, sobrannyya iz dostovernyx istochnikov, i raspolozhennyya po godam: v 15 t. M., 1839. T. 10.

Gramota Shvedskago Korolya Fridrixa I-go k Gosudaryu Imperatoru Petru Velikomu «O priznanii Ego velichestva Vserossijskim Imperatorom, s pozdravleniem Ego onym titulom». 28 iyunya / 8 iyulya 1723 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 7. № 4255.

Jejts F. Iskusstvo pamyati. SPb., 1997.

Konvenciya, uchinennaya mezhdru Rossijskim i Prusskim Dvorom «O supruzhestve vdovstvuyushhej Kurlyandskoj Gercogini Anny Ioannovny s Friderikom Vil'gel'mom Markgrafom Brandenburg-Shvetskim, Prusskago Korolya s plemjannikom». 5 / 16 maya 1718 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 5. № 3200.

Konvenciya, uchinennaya v Berline Prusskim Korolem Fridrixom Vil'gel'mom s Imperatorom Vse-rossijskim Petrom I «O supruzhestve Markgrafa Brandenburgskago Karla so vdovstvuyushheju Gercogineyu Kurlyandskoyu Annoyu Ioannovnoyu». 17 dekabrya 1723 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 7. № 4403.

Koronacionnyj sbornik / sost. pod red. V. S. Krivenko. Spb., 1899.

Lappo-Danilevskij A. S. Rossiya i Golshtiniya: ocherk iz istorii germano-russkix otnoshenij v XVIII veke // Istoricheskij arxiv. 1919. № 1.

Memoire sur les négociations entre la France et le Czar de la Grande Russie Pierre I, fait en 1726 par m-r Le-Dran, premier commis des affaires étrangères. 1722–1724 (Continuation). Dokladnaya zapiska o snosheniyax mezhdru Francieyu i Rossieyu v carstvovanie Petra I, sostavlenneya v 1726 godu Ledranom, starshim chinovnikom departamenta inostrannyx del. 1722–1724 (Prodolzhenie) // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. Spb., 1885. T. XLIX.

Molchanov N. N. Diplomatiya Petra Velikogo. M., 1990.

Nekrasov G. A. Russko-shvedskie otnosheniya i politika velikix derzhav v 1721–1726 gg. M., 1964.

Nikiforov L. A. Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoj vojny. Nishtadskij mir. M., 1959.

Nora P. i dr. Franciya – pamyat'. SPb., 1999.

O Imperatorskom titule v gramotax, ukazax, prosheniyax i prigovorax: imennoj ukaz ot 11 noyabrya 1721 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 6. № 3850.

O koronovanii Gosudaryni Imperatricy Ekateriny Alekseevny: manifest ot 15 noyabrya 1723 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 6. № 4366.

O naznachenii kogda i gde strelyat' za prezhnie pobedy: imennoj, dannyj Senatu ukaz ot 18 oktyabrya 1723 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 7. № 4327.

O obnarodovanii blagopoluchnago soversheniya koronacii Eya Imperatorskago Velichestva Imperatricy Ekateriny Alekseevny i o prinesenii torzhestvennago Gospodu Bogu blagodareniya: imennoj, dannyj Tajnomu Sovetniku Matveevu ukaz ot 10 maya 1724 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 7. № 4501.

O prebyvanii Petra I v Parizhe v 1717 godu. Iz zapisok gercoga de Sen-Simona // Petr Velikij / sost., vstup. st. i kommentarii E. V. Anisimova. M., 1993.

O sdelanii kamennoj piramidy na Poltavskom pole, v pamyat' pobedy, oderzhannoj nad Shvedami: imennoj, ob'yavlennoj iz Senata ukaz ot 29 aprelya 1723 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 7. № 4202.

O sdelanii novoj Gosudarstvennoj pečati soglasno s peremenoyu Imperatorskago titula: senatskij ukaz ot 6 dekabrya 1721 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 6. № 3864.

O titule Gosudaryni Imperatricy, Velikix Knyazhn i detej Ego Imperatorskago Velichestva: senatskij ukaz ot 23 dekabrya 1721 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 6. № 3869.

O voznoshenii Vysochajshix Imyan pri cerkovnoslužbeniyax po dannym formam: sinodskij ukaz ot 18 yanvarya 1722 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 6. № 3882.

Opisanie Koronacii Eya Velichestva Imperatricy, Ekateriny Alekseevny, torzhestvenno otpravlennoj v carstvuyushhem grade Moskve. 7 majya, 1724 godu. Spb., 1724.

Opisanie o brake mezhdru Eya Vysochestvom Annoyu Petrovnoyu Cesarevnoyu Vserossijskoyu, i Ego Korolevskim Vysochestvom Karlom Fridrixom Gercogom Golshtejnogottorpskim. Spb., 1725.

Polyakovskaya M. A. Vizantijskij dvorcovyj ceremonial XIV v.: «teatr vlasti». Ekaterinburg, 2011.

Pushkin A. S. Istoriya Petra // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. M.; L., 1951. T. 8.

Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M., 2011.

Rikyor P. Pamyat', istoriya, zabvenie. M., 2004.

Rovinskij D. A. Obozrenie ikonopisaniya v Rossii do konca XVII. Opisanie fejerverkov i illyuminacij. Spb., 1903.

Shafirov P. P. Rassuzhdenie, kakie zakonnye prichiny Petr I, car' i povelitel' vserossijskij, k nachatiyu vojny protiv Karla II, korolya shvedskogo, v 1700 godu imel / vstupit. st. U. Eh. Batlera, pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. M., 2008.

Simbola et emblemata, Fullu atque auspiciis sacerrimae suae Majestatis Augustissimi ac Serenissimi Imperatoris Moschoviae Magni Domini Czaris, et Magni Ducis Petri Alexeidis, totius Magnae, Parve & Albae Rossiae, nec non aliarum multarum Potestatum Dominiorum Orientalium, Occidentalium Aquilonariumque Supremi Monarchae exula. Amstelaedami. Apud Henricum Wetstenium. 1705. № 50.

Sokolova E. S. «Znamenovanie... nachal'nejshoj vsemogushhej vlasti...»: politicheskaya semantika innovacionnye aspekty oficial'nykh russkix feyerverkov XVII – pervoj poloviny XVIII vv. // Neozhidannaya sovremennost': menyayushhiesya realii XXI veka. Mir – Rossiya – Ural: sb. dokl. / pod red. L. A. Zaksa. Ekaterinburg, 2010. T. 1.

Sokolova E. S. Kul't Apollona v greko-rimskoj politiko-yuridicheskoy tradicii: o mnemonicheskikh istokakh formirovaniya solyarnoj semantiki evropejskix monarxij rannego Novogo vremeni // Genesis: istor. issledovaniya. 2015. № 6.

Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. T. 17–18 // *Solov'ev S. M.* Soch.: v 18 kn. / otv. red. I. D. Koval'chenko, S. S. Dmitriev. M., 1993. Kn. 9.

Tokmakov I. Istoricheskoe opisaniye vsekh koronacij Rossijskix Carej, Imperatorov i Imperatric. M., 1896.

Traktat, zaklyuchennyj na kongresse v Nishtate upolnomochennymi ministrami: s rossijskoj generalom-fel'dcejgmejsterom grafom Bryusom i kancelyarii sovetnikom Ostermanom, a s shvedskoj storony Lilienshtejnom i baronom Shtremfel'tom «O vechnom mire mezhdou oboimi gosudarstvami». 30 avgusta 1721 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 6. № 3819. P. 8.

Traktat, zaklyuchennyj v Sanktpeterburge mezhdou Imperatorom Petrom I i Golstinskim Gercogom Karlom Fridrixom «O supruzhestve Ego s Cesarevnoyu Annoyu Petrovnoyu». 24 noyabrya 1724 g. // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Spb., 1830. Sobr. I. T. 7. № 4605. P. 21.

Uortman R. S. Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarxii: v 2 t. T. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. M., 2002.

Vasil'ev V. N. Starinnye feyerverki v Rossii (XVII – pervaya chetvert' XVIII veka). L., 1960.

Xatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb., 2003.

Yazykov D. I. Koronovanie imperatricy Ekateriny Alekseevny Petrom Velikim v 1724 godu // Otech. zap. 1845. T. 38. Ch. 1. Otd. 2.